

Статья посвящена представлению Полибия о «безопасности». Разграничены военная и политическая составляющие указанной универсалии. Проведены параллели с концепциями Аристотеля и Ксенофонта. Сделано предположение о трансформации асфалеи на разных стадиях государственного устройства.

Ключевые слова: античная историография; Полибий; Аристотель; Ксенофонт; безопасность.

The article is devoted to Polybius' conception of security. The political and military aspects of this universal are distinguished. Several analogies with Aristotle's and Xenophon's conceptions are displayed. It is proposed that *asphaleia* had some transformations within different stages of political organisation.

Keywords: ancient historiography; Polybius; Aristotle; Xenophon; security.

Е. С. Данилов

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: explorator@list.ru

Идея безопасности в политической теории Полибия

Научная статья

E. S. Danilov

P. G. Demidov Yaroslavl State University

The Concept of Security in Polybius' Political Theory

Scientific article

«Сравни...нынешнее положение вещей с тем, что было во времена Полибия: наше время – цветущий луг, тогдашнее – поле, побитое градом.

Никто не был в безопасности».

Джироламо Кардано. О моей жизни. Гл. XLV (1576 г.).

Пер. Ф. А. Петровского

Мегалополец Полибий, насколько известно, никогда не являлся тем автором, к творчеству которого исследователи обращались, чтобы лучше понять суть античного концепта безопасности. Между тем в его «Всеобщей истории» есть места, проливающие свет на указанную проблему. Всего насчитывается около полусотни таких фрагментов, и в подавляющем большинстве их фигурирует традиционное понятие *ἀσφάλεια*.

Наиболее часто Полибий вспоминает о безопасности, когда описывает военные действия. Военная безопасность подразумевает правильный выбор пути следования армии (III. 44. 7), лагерных стоянок и корабельных гаваней (I. 28. 10, 32. 4, 56. 3, II. 5. 5, 16. 12, IV. 38. 1, V. 24. 5, X. 30. 3), места для битвы (III. 66. 2), расстановки войск (XV. 11. 3). Она достигается совместными действиями, участием в оборонительных союзах (II. 57. 5, III. 69. 5). Военное предприятие безопасно при верном

© Данилов Е. С., 2018

расчёте (II. 64. 2, IV. 10. 8), защищённом тыле (III. 17. 6, 49. 13, IV. 12. 10), тщательной подготовке (III. 33. 7, 34. 1). Стратегу, думающему о безопасности, свойственны осмотрительность и благоразумие¹. Таким полководцем, по мнению Полибия, был селевкидский военачальник Ахей (VIII. 2. 8). Бывший гиппарх выделяет меры предосторожности при общении с врагом. Безопасность обеспечивают клятвы, заложники (женщины и дети), честность противника. Безграничное доверие – это непозволительная роскошь как во время войны, так и в мирный период (VIII. 2. 2–7). Ключевую мысль Полибий высказывает словами оратора Гермократа: «В военное время безопасность не существует даже в ограде стен» (XII. 26. 8)².

¹ Подробнее о качествах, необходимых военачальнику, см.: [4, с. 84–98].

² «τὸ δὲ μέγιστον ἐν μὲν τῷ πολέμῳ μὴδ ἄχρι τῶν τευχῶν εἶναι τὴν ἀσφάλειαν».

Политическая составляющая рассуждений Полибия о безопасности заметно уступает военной. Впрочем, только по количеству пассажей, но не по глубине умозаключений. Его теория закономерной смены политий содержит ряд важных положений: 1) основная деятельность выбранных басилеев сосредоточивалась на постоянной заботе об асфалее (возведение оборонительных сооружений, расширение общественного земельного фонда, увеличение продовольственных запасов), поэтому они пользовались всеобщим доверием и поддержкой (VI. 7. 4–5); 2) наследственные цари, имея заготовленные предшественниками средства безопасности³, меньше вступали в прямое общение с народом, теряя его уважение (VI. 7. 6–7; XV. 24. 4–6); 3) нарастающая нравственная испорченность правителей породила в людях неприязнь к власти, которая всё больше напоминала тиранию (VI. 7. 7–8) [16, p. 655–656]; 4) граждане, угнетенные тиранией, злоумышляют против неё, вследствие чего безопасность самодержца перекладывается на плечи наемных воинов (VI. 7. 8, XI. 13. 8); 5) наёмная сила используется тиранами для действий, направленных против безопасности оппозиционных граждан (XIII. 6. 3–10)⁴. Интересно, что при перечислении остальных форм государственного устройства Полибий обходится без слов «асфалея» и «сотерия»⁵. В характеристике аристократии он, вероятно, заменяет их емким понятием «общее благо» (τοῦ κοινῆ συμφέροντος – VI. 8. 3), при упоминании демократии акцентирует внимание на равноправии и свободе слова (τῆς ἰσηγορίας καὶ παρρησίας – VI. 9. 5)⁶. Говоря о зарождении монархии, превозносит лидера, который подвергает себя опасности ради всего коллектива (VI. 6. 8)⁷.

Общепризнано, что представления Полибия о шести формах государственного устройства основаны на идеях Платона и Аристотеля⁸. Последние утверждали, что безопасность граждан должно обеспечивать государство (*Arist. Pol.* 1319b39),

устанавливая нужные законы (*Pl. Resp.* 338e). Вместе с тем у Платона нет явной привязки асфалеи к какой-либо политии, а Аристотель, сравнивая демократию с олигархией, лишь приходит к выводу, что демократический строй представляет большую безопасность и реже влечет за собой внутренние распри (*Pol.* 1302a5-15) [1].

Рассмотрим каждый из пяти выделенных ранее нами пунктов через призму политической теории Аристотеля, которая позволит раскрыть те детали, о которых умолчал Полибий. Базовый посыл стагирского философа при обращении к природе царской власти заключается в ее отождествлении с властью отца над детьми. Эту банальную мысль Аристотель высказывает дважды (*Arist. Pol.* 1259b1,15), причем второй раз она звучит довольно изящно: «Царь по природе должен отличаться от подданных, но быть одного с ними рода» (пер. С. А. Жебелева). Царь, имеющий единоличную власть, радуется об общей пользе (1279a30). Целью любого государства является благая жизнь, и для того, чтобы достичь этого счастливого состояния, необходимо общаться, находить компромиссы, совместно преодолевая трудности (1252a1-5, 1280b40-1281a1, 1328a35). Главное условие такого общения – это справедливость (1253a35, 1282b15). Самые ранние монархии основывались в героические времена, когда граждане добровольно соглашались с установлением единоличной власти благодетеля, сделавшего что-то полезное для коллектива. Такой гражданин получал в руки инструменты для укрепления общественного блага; он становился военным предводителем, судьей и жрецом (1285b5-20, 1286b10, 1310b35-40). Добродетельный царь должен был наблюдать за тем, чтобы в его общине никто не терпел обид и оскорблений (1297b5-10, 1311a1-5). Он – скромный и беспристрастный домоправитель, заботящийся в равной степени обо всех домочадцах. Аристотель был далек от того, чтобы видеть в государстве структуру, созданную исключительно для удовлетворения насущных потребностей (1291a15, 1328b1-24). Он поделил блага на внешние, физические и духовные (τῶν τε ἔκτος καὶ τῶν ἐν τῷ σώματι καὶ τῶν ἐν τῇ ψυχῇ), превознес значение последних (1323a25-b5). Полибий оказался в этом плане большим прагматиком, он не наделял первых людей мечтой о прекрасном существовании, потому им так четко выделены главные задачи, стоявшие перед древними басилеями и основателями нового общественного

³ «ἔτοια μὲν εἶχον ἤδη τὰ πρὸς τὴν ἀσφάλειαν».

⁴ О Набисе, проводящем подобную политику в Спарте, см.: [8, p. 54–72; 6, p. 215–220; 9, p. 201–209].

⁵ Подробнее о смысловом значении данных понятий в труде Полибия см.: [14; 12].

⁶ О взглядах Полибия на демократию см.: [18, s. 365–384].

⁷ «ὁμοίως πάλιν ὅταν ἀμύνη μὲν τις πρὸ πάντων ἐν τοῖς δεινοῖς, ὑφίστηται δὲ καὶ μένη τὰς ἐπιφορὰς τῶν ἀλκιμωτάτων ζώων».

⁸ См., например: [13; 15, p. XII–XIV; 5].

порядка. Так, оценивая государственное устройство Лаконики, Полибий подчеркнул, что установления Ликурга обеспечили спартамцам долговременную свободу и безопасность (VI. 48. 5)⁹.

Потомки человека, заслужившего всеобщую признательность, получили царскую власть путем наследования. В случае диадохов действует все тот же принцип: политическое общение эффективно, если диалог выгоден всем сторонам. Аристотель подчеркивал важность хорошего отношения ко всем без исключения гражданам, имея в виду уважение чужих интересов и достоинства (1308a5-10). Однако именно при наследственной монархии нарушается справедливость, ибо отношения правителя и народа становятся далеки от чувства дружбы. С одной стороны, появляется презрение, с другой – зависть (1295b20-25). Из-за этого начинаются распри и случаются государственные перевороты (1316b20-25).

Царская власть перерождается в тиранию, если монарх стремится к собственной выгоде, забывая об интересах народа (1279b5, 1295a20, 1311a1-5). Идеальный правитель должен обладать широким спектром добродетелей (1260a15, 1288a15, 1310b10). Он справедлив и рассудителен (1277a15, b25; 1281b25). Нравственно испорченный монарх обогащается за счет общественного достояния (1286b14). Наглость и корыстолюбие со стороны власть имущих вызывает враждебную реакцию населения (1302b1-10, 1307a20). Их распутная жизнь дискредитирует существующий государственный строй и подготавливает почву для насильственной смены власти (1305b40), что характерно для всех форм правления (1311a25-30, 1313a10-15).

Цари, ставшие тиранами, нарушают отеческие заветы и стремятся к более деспотической власти вопреки законам (1310b20, 1313a1-5)¹⁰. Причины их перерождения в тиранов кроются в недостаточном воспитании и чрезмерном возвеличивании (1308b10-15)¹¹. Поэтому чем

⁹ «διόπερ οὕτως καὶ διὰ τούτων συστησάμενος τὴν πολιτείαν, βεβαίαν μὲν τῇ συμπάσῃ Λακωνικῇ παρεσκεύασε τὴν ἀσφάλειαν, πολυχρόνιον δὲ τοῖς Σπαρτιάταις αὐτοῖς ἀπέλιπε τὴν ἐλευθερίαν».

¹⁰ В качестве примера тирании, возникшей на основе царской власти, Аристотель называет правление Фидона в Аргосе (Arist. Pol. 1310b29). См., в частности: [2; 3].

¹¹ «Небезопасно чтить хвалебными песнями и гимнами живых людей, пока они не пройдут весь свой жизненный путь и не увенчают его прекрасным концом» (Pl. Leg. 802a. Пер. А. Н. Егунова). «Стремись к тому,

меньше полномочий будет иметь царская власть, тем дольше она останется в неприкосновенном виде (1313a15-30). Цари властвуют на законном основании над добровольно подчинившимися людьми, поэтому басилеев охраняют вооруженные граждане, а тиранов, навязывающих свободным полититам свое господство, окружают наемники (1285a25-30, 1286b30-40, 1311a10)¹². Поскольку тираны не доверяют народу, они вынуждены пользоваться наемными воинами (1306a20-25), содержание которых требует значительных денежных трат. К тому же всегда существует опасность предательства со стороны тех, чья преданность куплена (1314b9-14). Тирану остается либо искать дополнительные средства часто с применением насилия, либо обеспечить себе доверие подданных, став в их глазах не жестоким грабителем, а заботливым опекуном, т. е. похожим на царя (1315b1-10).

Конечной целью тирании является богатство. Только при этом условии можно вести роскошный образ жизни и содержать охрану. При поддержке наемников тираны ведут войны, производят изъятие оружия и другого имущества, притесняют чернь, изгоняют или убивают аристократов, устраняют выдающихся граждан, раскрывают заговоры. Наемники (μισθοφόροι) – это, должно быть, не только телохранители (σωματοφύλαξι), но также сборщики податей (τελώναι), соглядатаи (κατασκόποι), льстецы (κολάκες)¹³. Все они заменяют тирану друзей и помогают ему запугать подданных, вызвать между ними взаимное недоверие и лишить их политической инициативы (Arist. Pol. 1311a5-20, 1313a35-1314a30).

Последние два тезиса Полибия наиболее рельефно обрисованы Ксенофонтом в трактате «Гиерон». По мнению ученика Сократа, страх заставляет тиранов окружать себя вооруженными людьми (Xen. Hier. II. 8). Тиран лишен безопасности.

чтобы твои изображения остались скорее напоминанием о твоей доблести, чем воспроизведением твоей внешности» (Isoc. Orat. II. 36. Пер. Э. Д. Фролова).

¹² Эсхин повторяет этот тезис, противопоставив демократический строй тирании и олигархии (Aeschin. In Tim. 5).

¹³ О низком моральном облике наемников: Polyb. I. 7. 1–6, 9. 3, 43. 1, 66. 10, 69. 12–13, 70. 1–2; XXXIV. 14. 2. О наемниках как непременном сопровождении тиранов: Polyb. XI. 13. 7–8, 18. 1; XIII. 6. 4. О шпионах на службе у коварных царедворцев и тиранов: Polyb. V. 50. 5; XVI. 37. 1. О развращающем влиянии льстецов: Polyb. VI. 18. 5; VIII. 24. 3; XV. 25. 31; XXIV. 12. 5. См. также: [10, p. 125–129].

Доверие для него – это недостижимая мечта (Нерг. IV. 1-2). Значительная доля состояния тирана тратится на защиту собственной жизни. Ему постоянно приходится заниматься грабежом, ибо сокращение расходов равносильно самоубийству (Нерг. IV. 9-11). Он берет деньги у граждан и отдает их чужестранцам (Нерг. V. 3-4, VIII. 10). Тиран боится остаться без охраны и боится самих охранников (Нерг. VI. 4)¹⁴. Ведь их «верность» куплена за деньги (Нерг. VI. 11)¹⁵. В диалоге Симонида с Гиероном мудрец советует тирану оберегать подданных посредством наемников, чтобы граждане не думали о телохранителях как об инструменте укрепления личного превосходства правителя, а признавали их за своих помощников и защитников. Превращение личных охранников в общественных поспособствует тому, что граждане с большей готовностью будут нести расходы на их содержание (Нерг. X. 3-8). Дополнительные благодеяния помогут тирану стяжать любовь подданных и обрести безопасность (Нерг. XI. 7-12). Фактически, не называя конкретных примеров, Ксенофонт предлагает утопическую программу действий для превращения классического тирана в добродетельного правителя. Кажется, что афинский историк разработал механизмы, способные в теории повернуть полибиево колесо политий в обратную сторону. На практике же, когда тиран Набис просит у соотечественников деньги, указывая на большое число наемников, содержимых ради благополучия граждан, это воспринимается как издевательская уловка (*Polyb.* XIII. 7. 4).

Описание Гиерона II, встречающееся на страницах труда Полибия (I. 8, 11, 16, 83; VII. 8), во многом соответствует образу идеального главы государства, воспетому Ксенофонтом. Сиракузский тиран от природы был одарен многими достоинствами; проявлял расчетливость, наблюдательность, рассудительность, умеренность и военный талант. Отличался великодушием и щедростью. Если убрать указание на «героические времена», то достижения современника Архимеда приближаются к заслугам древних монархов, получивших власть в виде благодарности от соплеменников. В качестве примеров даровитых царей, ставших жестокими тиранами, Полибий выдвигает фигуры Филиппа V Македонского (IV. 77. 1-4; V. 11. 6; VII. 13. 7)

¹⁴ «φοβεῖσθαι δὲ ἀφουλαξίαν, φοβεῖσθαι δὲ καὶ αὐτοὺς τοὺς φυλάκτοντας». Ср.: Isoc. Orat. VIII. 112.

¹⁵ Риторика Диона Хризостома (I в.) аналогична умозаключениям Ксенофонта: Dio Chrys. Or. VI. 35–59.

и Клеомена III (IX. 23. 3, 29. 8). Хотя он сам же признает, что существуют политические режимы, по сути являющиеся монархиями или тираниями, но абсолютно незаслуженно именующие себя царствами (VI. 3. 9-11).

Собственно, тиранические персонажи, представленные историком, в большинстве своем вынуждены добровольно сложить с себя власть или понести заслуженное наказание в виде смерти (II. 56. 15). Первый вариант характерен для пелопоннесских тиранов, присоединившихся к народоправству ахейян (II. 43-44). Второй вариант развития событий показан на примере аргивянина Аристомаха (II. 59-60), сиракузца Гиеронима (VIII. 5. 1) и лакедемонянина Маханида (XI. 18).

У Полибия категория «κίνδυνος» (опасность) увязывается с понятиями «τύχη» (судьба) и «ἐμπειρία» (опыт) (I. 35. 7-10, 58. 1; II. 7. 1-4; XV. 6. 8; XXIII. 12. 6). Личный опыт чаще всего приобретает тяжелыми лишениями и опасностями, посланными судьбой. Лучшей же школой для правильной жизни служит чужой опыт, так как он безвреднее. Если человека настигает беда, то вина за нее падает на других людей или судьбу¹⁶. Напротив, если кто безрассудно идет на опасности, то получает не только страдания, но и позор. Данное назидание предназначено Полибием в первую очередь для правителей и полководцев, облеченных властью и ответственных за безопасность своих подчиненных (III. 81. 7-10; IV. 60. 7-8; V. 98. 6-9).

Полибий пишет также о правильном поведении должностных лиц. В частности, он отмечает, что консулам небезопасно пренебрегать благоволением сената и народа (VI. 15. 11). Остановливаясь на особенностях римских граждан, он указывает на свойственную им готовность к самопожертвованию ради интересов республики (VI. 54. 4)¹⁷. Более того, римляне бывают наиболее деятельными и сплоченными тогда, когда им угрожает серьезная опасность (III. 75. 8; ср. VI. 18. 2-4). За безопасность же города ответствен сенат (XIV. 10. 1).

Итак, человек, стоящий у кормила власти, должен помнить о некоем этическом кодексе, который следует соблюдать при общении со своими подданными. Первая форма правления устанавливается на основе телесной силы и душевной отваги монарха (VI. 5. 7-9). Следующая полития вынуждена

¹⁶ Подробнее см.: [17; 7; 11].

¹⁷ Исключительная забота об индивидуальной безопасности и личных выгодах характерна для критян (*Polyb.* VIII. 18. 5-7). Ср. *Polyb.* XXXIX. 10. 6.

обращать большим количеством нравственных подпорок, так как меняются запросы общины и повышаются требования к кандидатуре правителя. Басилей, обеспечив базовые нужды подданных, должен не просто защищать их жизни, но и придерживаться моральных принципов, главный из которых – справедливость (VI. 5. 10, 6. 7, 57. 5). От диадоха требуется в пору изобилия сохранять доблесть и умеренность. Все принятые в обществе духовные ценности строятся и множатся на основе прочной асфалеи. Поэтому неотвратимое перерождение царской власти сопряжено у Полибия не просто с моральным упадком властителя, но и с несправедливым распределением стратегических ресурсов и перенаправлением общественных средств безопасности на удовлетворение личных appetитов бацилея, ставшего тираном.

Возможно ли распространение принципа асфалеи на остальные стадии семичленного цикла Полибия и какова в таком случае будет его эволюция? Казалось бы, ответ очевиден: асфалея неизменно должна присутствовать во всех политических формах, ибо это фундаментальная причина образования государства. Вместе с тем, как мы уже поняли, коллективная безопасность создается на этапе монархии, укрепляется при бацилее и начинает трансформироваться в рамках тирании. Эта и последующие трансформации на отрезке от аристократии до охлократии становятся реальными единственно потому, что исчезает знак равенства между безопасностью режима и защищенностью основной массы граждан. Изменения приходится на переходные периоды. Они касаются объекта безопасности (индивид, определенная группа, все общество) и ее инструментов (вооруженные силы, законы, социальная политика).

Ссылки

1. Данилов Е. С. Взгляды Аристотеля на политическую безопасность // Мнемон. 2017. Вып. 17, № 1. С. 53–62.
2. Жестоканов С. М. Фидон Аргосский и Коринф // Мнемон. 2005. Вып. 4. С. 61–72.
3. Жестоканов С. М. Фидон Аргосский: тиран и реформатор // Вестник СПбГУ. Серия 2. История. 2009. Вып. 3. С. 44–52.
4. Тейтельбаум Е. Г. Полибий как историк военного дела римско-эллинистического мира: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2009. 242 с.
5. Тыжов А. Я. Рецепция платоновской философии в историописании Полибия // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2011. Т. 12, вып. 4. С. 141–144.
6. Bradford A. S. Leonidas and the kings of Sparta: mightiest warriors, fairest kingdom. Santa Barbara; Denver; Oxford, 2011. 251 p.
7. Brouwer R. Polybios and Stoic Tyche // Greek, Roman, and Byzantine Studies. 2011. Vol. 51, № 1. P. 111–132.
8. Cartledge P., Spawforth A. Hellenistic and Roman Sparta: a tale of two cities. London; New York, 2002. 312 p.
9. Dmitriev S. The Greek Slogan of Freedom and Early Roman Politics in Greece. Oxford; New York, 2011. 524 p.
10. Eckstein A. M. Moral vision in the Histories of Polybios. Berkeley; Los Angeles; London, 1995. 331 p.
11. Hau L. I. Tyche in Polybios: narrative answers to a philosophical question // Histos. 2011. № 5. P. 183–207.
12. Helms H. σωτηρία, ἡ // Polybios-Lexicon. Bd. III. Lfg. 1 (ῥάβδος-τόκος). Berlin, 2002. S. 469–472.
13. Lehmann G. A. Ansätze zu einer Theorie des griechischen Bundesstaates bei Aristoteles und Polybios. Göttingen, 2001. 117 s.
14. Mauersberger A. ἀσφάλεια, ἡ // Polybios-Lexicon. Bd. I. Lfg. 1 (α-γ). Berlin, 1956. Sp. 244–245.
15. Newman W. L. Politics of Aristotle: With an Introduction, Two Prefatory Essays and Notes Critical and Explanatory. Cambridge, 2010. 608 p.
16. Walbank F. W. A historical commentary on Polybios. Oxford, 1957. Vol. I. 776 p.
17. Walbank F. W. Fortune (tyche) in Polybios // A companion to Greek and Roman historiography / Ed. by J. Marincola. Oxford, 2007. Vol. I. P. 349–355.
18. Welwei K.-W. Polis and Archev: kleine Schriften zu Gesellschafts- und Herrschaftsstrukturen in der griechischen Welt. Stuttgart, 2000. 427 s.